

*Кто не подходит к новой жизни,
того перековывать — зря время тратить.*

Украина была важнейшей частью советского народно-хозяйственного комплекса. Почему научно-производственные и торговые связи удалось, хотя и не до абсолютного нуля, разорвать при всех взаимозависимостях? Что можно и нужно было сделать, если повсюду на постсоветском пространстве воцарилась рыночная стихия и расколовшееся на миллионы осколков народонаселение устремилось в «глобализацию», позволяя попутно самым шустрым приватизировать общенародное достояние и плодя зарвавшийся олигархат и новоявленных коррумпированных вельмож? Это часть вопросов, ответы на которые критически важны и для понимания прошлого, и для проектирования будущего.

Чрезмерная, а часто обожествленная и одновременно циничная ставка на внешние рынки, инвестиции по известному лозунгу Остапа Бендера «заграница нам поможет» и как следствие — опора на чужие системы координат, ценности, оценки и сценарии будущего всегда указывают на опасные процессы утраты футурологического суверенитета государства, замутнение понимания собственных и интересов, и ценностей, и идеалов. Нельзя не признать, что этот уклон почти для всех бывших союзных республик был общим. Из этого следует неумолимый и для кого-то неприятный вывод: не все, разумеется, на постсоветском пространстве является отражением того, как выстроено жизнеустройство в самой России. Но многое изменится вокруг, когда и если она сама претерпит преобразование.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-3.183.2022.5

ГОНКИ БЕЗ ОГЛЯДКИ

Как и 100 лет назад, пламя войны раздувает глобальная конкуренция за ограниченные ресурсы и доступ к рынкам, узлам и каналам коммуникаций. Разница в немногом: в составе самых важных ресурсов. По-прежнему топливо (энергоресурсы) и продовольствие на вершине списка самого важного. Сам этот список «наиболее важных для войны продуктов» стал сегодня обширнее, включив, например, редкоземельные металлы, инертные газы, частотный ресурс, системы глобальной навигации, космическую группировку, цифровые платформы и т.п. Стоит обратить внимание и на совершенно новую роль агисферы, охватывающую ценности и святыни. Конфликты в этой сфере проецируются как «войны памяти», но суть и цель их намного глубже — спроектировать мировоззрение и поведение заданных групп людей. Особенность нашего времени — невероятная технологизация манипуляций сознанием, коллективным и индивидуальным. И в прошлом веке агитация и пропаганда играли огромную роль в политике, но в наше время целенаправленное воздействие на сознание стало одной из генетических инженерных технологий. Это очень серьезно.

Экономическая подоплека конфликтов никуда не исчезла. Но сама экономика сегодня не только оцифровывается, всеобъемлюще проникая в те слои сознания, которые когда-то могли сохранять сокровенность. Экономика через свой ключевой ресурс — информацию, через свои кнуты и пряники простирает сегодня свое влияние на весь жизненный цикл человека — от колыбели до погоста.

Но украинский кризис показал, что сдвинулись поистине тектонические плиты мировой политики и экономики. Важнейшая из этих сдвинутых плит — «выход за флажки» самой России, как в известной балладе Владимира Высоцкого «Охота на волков». Россия после демонтажа Варшавского договора и распада СССР приняла на себя не только добровольное, но и вынужденное обязательство не влиять на внутреннюю политику бывших союзных республик, уважая их суверенитет и право выбора модели развития. Россия во многих случаях выступала донором для новообразованных государств, включая Украину, проводя де-факто недальновидные «инвестиции в дружбу». Добро не остается безнаказанным, по известной поговорке. Россия, следуя своим же провозглашенным ценностям, отчасти сквозь пальцы, отчасти снисходительно, отчасти невнимательно и отчасти безответственно наблюдала за отнюдь не дружественными процессами у соседей. Даже когда провозглашались концепты «Анти-России», когда «незалежность» обретала нацистское воплощение, кружа умы ее неофитов.

Парадигма «вхожденчества» утверждалась открыто и официально почти 40 лет, воспитав как минимум три поколения молодежи. Для нее разрушение этой парадигмы — нечто большее и несравненно более катастрофичное, чем для тех, чья память помнит «холодную войну» и «противостояние двух систем».

Наивно представлять происходящие перемены как реставрацию СССР или советского социализма как политико-идеологической системы. Теперь иные времена, иные люди. В этом смысле это общая творческая задача для большинства постсоветских государств — создать новую окрыляющую идеологию, сильную стратегию и реализовать это на практике.

В конфликте на Украине нельзя не видеть и своего рода матрешки стратегических и тактических игр, и не только, собственно, на театре военных действий. Развертывается сеанс одновременной игры в несколько игр между разными коалициями игроков, которые еще и по-своему понимают правила этих игр и правила нарушения этих правил. Это чудовищно азартная и опасная ситуация.

В кажущейся безумной стихии санкций проглядывают «уши сущности» — управляемость глобального кризиса в интересах его инициаторов. Черда «трансформирующих событий» лишь выглядит стаей «черных лебедей», маскируя беспощадный «план игры».